

∞ ЗАГС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ГОРЬКО

Лина Коваль

ОДОБРЕНО
НЕЙРОНКОЙ

Лина Коваль

Горько. Одобрено нейронкой

«Автор»

2026

Коваль Л.

Горько. Одобрено нейронкой / Л. Коваль — «Автор», 2026

— Я? Жениться? — хохочу, застегивая тяжелый гидрокостюм. Начальство за мной еле поспевает. Нудит в ухо:— А ничего смешного, Мик. Допрыгался. В администрации города решили избавляться от холостяков! Ты — первый. — Ну спасибо, что не методом отстрела.— Новые технологии, Микула! Даму для тебя выбрала сама нейронка. Цени!— Высокую, стройную блондинку? — мечтаю.— У вас с ней стопроцентная совместимость!— С блондинкой или с нейронкой? — скалюсь.— С... Ясиной Набиевой, шутник. Она, кстати, на проходной тебя дожидается. Сюда не идет, говорит, воды боится. — Набиева... Воды боится... — чувствую подвох. — Пал Георгич! У меня фамилия — Русский. И я водолаз. Что-то напутала ваша нейронка...— Может, вы в другом чем схожи?— Это вряд ли... — Вижу несущуюся на меня черноволосую девицу. Не то мальчонка, не то собачонка... Еще и злющая как черт. — В общем, делайте что хотите — на ней жениться я не согласен!

ПРИСУТСТВУЕТ НЕЦЕНЗУРНАЯ БРАНЬ И СЦЕНЫ ЭРОТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

© Коваль Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Ясмина	7
Глава 2. Микула	10
Глава 3. Микула	12
Глава 4. Ясмина	15
Глава 5. Ясмина	19
Глава 6. Микула	22
Глава 7. Микула	25
Глава 8. Ясмина	28
Глава 9. Ясмина	31
Глава 10. Микула	34
Глава 11. Микула	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лина Коваль

Горько. Одобрено нейронкой

Пролог

*Все персонажи являются вымышленными,
любое совпадение с реальными людьми случайно*

Константин Олегович Мороз, мэр славного города-миллионника Нижнего Новгорода, с минуты на минуту готовится стать кем поважнее: самым настоящим отцом.

Папой!..

Прекрасная супруга Константина Ника, в крайне нервном состоянии доставленная в родильный дом первой городской больницы тремя часами ранее, закидывает мужа гневными сообщениями, а он только ослабляет галстук и поторапливает своих заместителей:

– Давайте пробежимся по всем вопросам. Боюсь, что времени у меня совсем мало.

– Первое на повестке – избавление от холостяков, – нудно зачитывает Валентин Степанович.

Специалист из него на троечку, но уж больно ответственный.

– А вы ничего не перепутали? – спрашивает мэр и взволнованно проверяет экран телефона.

– Ничего не перепутал, – оскорбляется зам. – Здесь так и написано. Вы новости совсем не смотрите? В Государственной думе только и разговоров что об этом. Год семьи!..

– И как мы можем на это повлиять?

– А давайте бюджетников женим, – смеется первый зам Артем Петрович. Он современный специалист, из нового поколения. – Ну а чего? На них у нас хотя бы методы воздействия есть. На субботник ведь приходят. И отчет состряпаем. Мол, столько и столько поженили, такой-то процент прожил целый год. А сами им чего-нибудь пообещаем. Квартиры, например, или деньги!

– Из какого бюджета, стесняюсь спросить? – интересуется мэр.

– Спонсоров найдем! – не сдается зам. – Возьму это дело на себя. Назовем проект «Горько». А? Как вам?

– Только без огласки, – Константин Олегович решает согласиться. – Не знаю, что хуже: если соседние регионы возьмут вашу идею на заметку или высмеют нас на всю страну. Что там дальше, Валентин Степанович? Мне ехать пора...

Пока будущий молодой отец взволнованно поднимается и застегивает пиджак, заместитель зачитывает дальше:

– Пункт два. Внедрить в работу администрации искусственный интеллект.

– У нас и естественным-то пока не все пользуются, – как бы между прочим ворчит Артем Петрович.

«*Раскрытие восемь сантиметров*», – поступает новое сообщение от роженицы.

Мэр хмурится. Руки предательски дрожат и тянутся к линейке.

Хм...

«*Этого мало?*»

«*А ты можешь больше?*» – отвечает Ника. Судя по всему, разъяренная.

Константин Олегович предусмотрительно убирает телефон в карман.

Пора!..

– Давайте найдем решение. Поскорее, пожалуйста, коллеги.

– Придумал, – первый зам открыто улыбается и презентует: – Проводим анкетирование среди незамужних и неженатых сотрудников. Дальше загружаем данные в ЧатДжиПиТи, и пусть он сам определит подходящие пары.

– Звучит как полный абсурд, – вздыхает мэр.

– «Горько. Одобрено нейронкой». Как вам?

– Ладно уж. Делайте, – Константин Олегович соглашается. – Я уехал...

Глава 1. Ясмина

– Тухло здесь у вас, – озирается Мира.

Я предусмотрительно молчу. Наконец-то мне дали человека. Выглядит она, конечно, как не очень ответственная, но хоть кто-то!..

– Чай будешь? – спрашиваю дружелюбно.

– А есть с чем?

– С молоком...

– Чай с молоком? Не буду. Лучше расскажи мне все поскорее, и я побегу.

Недоверчиво на нее посматриваю. Конечно, в первую очередь надо было установить контакт, а уже потом вываливать на новенькую наши внутренние правила и информацию по своим подопечным.

– Так, – замираю, рассматривая собранную за три года картотеку. – Это моя любимица Феррари. Восемьдесят пять лет. Здорова как космонавт перед полетом.

Мира рассматривает анкету Вероники Степановны и смеется:

– Почему Феррари-то, Ясь?

– А она с утра на рынок за яйцами так бежит, что все спорткары отдыхают. А вот это Чанган. Семьдесят три года. Легкая деменция.

В глазах новенькой вижу закономерный вопрос, поэтому отвечаю:

– Чанган – потому что любит с «Алиэкспресс» всякую ерунду заказать. Вроде ушных шапочек для душа или кружевных чехлов на унитаза.

– Я сейчас умру от смеха. – Мира сгибается пополам.

– Зря смеешься. Ты запоминай-запоминай. Мы, соцработники, должны обладать феноменальной памятью. Эта – шестидесятилетняя Шкода, как что вычудит – хоть стой, хоть падай. Эта – Вольво – помешана на безопасности: в дверях четыре замка и открывает только по паролю, который каждый раз меняет. Можно, кстати, называть любой, потому что она их все равно не помнит. Смарт ростом метр пятьдесят, а Тесла бережет электричество. Не дай бог у нее свет включенным оставить – тут же жалобу на горячую линию накатает. Это СсангЙонг, – недоверчиво посматриваю на сменщицу. – Лучше тебе пока не знать, почему...

– Ой, все, – Мира останавливает и хватается за живот. – А на личную жизнь у тебя с таким «автопарком» время остается? Ты, вообще, замужем?

– Я же татарка, – отвечаю тихо и опускаю глаза. – Выйду замуж, как только папа найдет достойного жениха.

– Ого. Такое еще бывает?

– Конечно.

– И какие требования к кандидату?

– Он должен быть татарин, – говорю первое и основное. Нет ничего более принципиального для отца, чем это.

– А еще?

– Все остальное не так важно, – хмурюсь, раскладывая карточки по порядку.

– Это еще почему? Ты такая симпатичная, Ясмина.

– Потому что мне двадцать три...

– Двадцать три не приговор, – хмыкает новенькая.

Все тридцатилетние так говорят.

А когда тебе на пятки наступают молодые татарочки, да еще и покладистые, найти жениха становится чем-то нереальным. Не скажу, что я как-то стараюсь. Скорее, каждый раз тихо радуюсь, что очередная «отцовская надежда» помахала мне ручкой.

Мне бы собственную квартиру. Хотя бы однушечку на окраине. Тогда я бы вообще замуж не вышла.

– Ну так еще какие требования?..

– Татарин, – повторяю на всякий случай, так как это самое главное, и поправляю короткие волосы. – Желательно не очень общительный – разговоров мне и на работе хватает, но умный – качков я терпеть не могу. Все эти горы бицепсов только на картинке красиво смотрятся. Не прокормишь такого, хоть ведрами готовь. Что еще... чтобы выглядел презентабельно. Не патлатый, причесанный, можно даже в очках.

– Ну ты, конечно, извращенка, – Мира качает головой. – Худой, неразговорчивый, причесанный очкарик – таких в нашем парке ночью полно. Ходят в плащах, девок пугают. Вот только не знаю, как у них с национальностями. Как-то не интересовалась.

– Ну спасибо, – смеюсь.

– Вообще, скажу тебе как трижды замужняя и ни разу не судимая женщина: мужика найти не проблема, а вот не прибить его потом, – Мира многозначительно приподнимает брови, – задача!..

– Если у тебя с нервами проблемы, то у нас работать будет сложно, – вздыхаю и бью себя по лбу. Ох уж эта моя привычка говорить сразу все как есть. Ну кто так на работу сотрудников принимает?..

– Это еще почему, Яся? – новенькая настороженно прищуривается и сжимает ремень от сумки.

Как пить дать свалит. На дверь посматриваю. Надо бы закрыть.

– В чем сложности?

– Потому что мои одинокие старушки, они... как самые настоящие дети, – глядя в окно, ласково улыбаюсь. – Вечно что-то теряют: то деньги, то украшения, то документы на квартиру. Могут даже тебя обвинить и обязательно в полицию нажалуются, а находят где-нибудь под паласом у окна, потому что сами туда от мошенников спрятали. Многие из них кажутся злыми и вечно недовольными, но это чаще всего за них говорит страх одиночества или страх смерти. В общем, надо очень любить людей!.. Сильно любить людей!

– Я люблю деньги, с людьми как-то туго.

– И спорт! – придирчиво осматриваю новенькую.

– А спорт-то зачем?

– Спорт обязательно нужен. Я в качалку три раза в неделю хожу. Во, – демонстрирую плотненькие бицепсы, – смотри какие.

– А без этого никак?

– Сама поймешь, когда Камаз поднимать придется.

– Кого? – пятится назад.

– Камаз – это Авдотья Никитична, – тут же нахожу ее карту, исписанную диагнозами. Даже не букет заболеваний – целая оранжерея. – Бывшая заведующая заводской столовой. Сто пятнадцать килограммов ватрушек с повидлом и котлет с подливой. Ноги у нее не слушаются, болезнь Паркинсона прогрессирует, – зачитываю. – Пару раз поднимешь – и...

– Я, пожалуй, откажусь, – Мира, шабаркая ногами, все отступает. – Не справлюсь, теперь точно поняла.

– Ты куда? Камаза испугалась? Да она безобидная... – вскакиваю с места и устало вздыхаю, пялясь на открытую дверь, из-за которой появляется физиономия Степаниды Андреевны. – Мы же на адрес собирались, – договариваю.

– Опять перепугала девку до смерти? – начальница демонстративно складывает руки на пояс и, выставив левую ногу, постукивает пяткой.

– Я не пугала. Просто рассказала, как у нас здесь все устроено.

– Тудыть твою в качелю! – орет она так, что у меня уши закладывает. – Набиева, кто тебя за язык тянет?

– Я просто рассказываю, как сама работаю.

– Таких ненормальных, которые и днем и ночью по нуждающимся таскаются, больше нет.

Ты зачем мне народ распугиваешь?

– Я просто рассказываю, как работаю, – стою на своем.

– Давно пора тебя чем-нибудь занять, – она хитро потирает руки. – Пойдем-ка ко мне в кабинет. Из администрации запрос прилетел. Надо срочно анкету заполнить.

– Если снова на митинг против тех, кто бросает жвачки на асфальт – не пойду. Хоть убейте!..

– Да нет... Там другое, – посмеивается Степанида Андреевна и ждет, пока я встану. – Иди-иди. Тудыть твою в качелю...

Глава 2. Микула

– Привет, Микуш, – тепло улыбается Поля и крепко обнимает.

Чисто по-братски, в ее понимании.

Задерживаю дыхание, чтобы не чувствовать сладковатые духи и нежный аромат волос. Хорошо, что профессия позволяет: она может хоть пять минут об меня тереться – я выдержу.

– Пойдем, – вежливо кивнув Камилу, Полинка тянет мою руку. Сверкает кольцом из белого золота с внушительным бриллиантом. – Там ЧП у одного из друзей Георгия. Только ты можешь помочь.

– А что твой Свечник? Неспособен? – не удерживаюсь от подкола.

Камиль тихо ржет, а бывшая резко останавливается и оборачивается к нам уже со строгим выражением лица.

– Я же просила так его не называть, Мик. У Георгия успешный фармацевтический бизнес с оборотом в несколько сотен миллионов, – важно задрал подбородок, чешет с гордостью.

– Брешет. Где он столько геморроя взял? – усмехаюсь, закидывая на плечо гидрокостюм.

Кам ржет. Теперь уже не тихо.

– Микула, – Полинка-зараза грустнеет. – Я же просила не иронизировать на эту тему. Помимо свеч от геморроя, компания Георгия производит еще много всего.

– Крем... от геморроя? – вопросительно на нее смотрю.

– Так... все! – бывшая топает ногой.

– Все так все, – ворчу. – Я поехал. У меня законный выходной.

– Русский, твою мать! Стоять! – рычит она, снова хватая мою руку. – Ты можешь хотя бы полчаса побыть нормальным?

Нормальный, в ее понимании, – это зализанный очкарик в рубашке на пару размеров меньше и таких же брюках. Чтоб блестели и туфли, и лысина. У ее новоиспеченного мужа такое озеро надежды. Целый геморрой на башке, которому ни одна мазь не поможет.

– Просто помоги Арсену и уезжай, – Поля поправляет длинную косу и направляется к берегу.

– Может, ну их на фиг, мажоров этих? – поравнявшись со мной, Кам почесывает затылок и хмурится. – Ты, вообще, умеешь ей отказывать?

– Мы восемь лет были в отношениях, а Полина ко мне так и не переехала. Поверь мне, я умею ей отказывать.

Пока идем к беседке, встречаю двоих знакомых: Катю Черепанову, мы вместе на русские народные танцы ходили, и Жорика Карпова, с ним в палаточном лагере в прошлом году познакомились.

– В этом городе есть люди, которых ты не знаешь? – ворчит напарник.

– Вряд ли. У меня «Вконтакте» восемь тысяч друзей.

Моя мама Валентина Александровна Русская вот уже двадцать пять лет занимает должность директора крупнейшего в Нижегородской области Дворца Культуры Горьковского Автозавода.

Надо ли говорить, что с раннего детства я посещал всевозможные кружки, секции и был постоянным участником городских мероприятий?

С Полиной, кстати, там же познакомился. Детская влюбленность переросла в первые отношения. Встречались с восемнадцати, восемь лет быстро пролетели, а год назад она меня ошарашила новостью: мол, замуж выхожу. За Георгия Геморроевича. Ой, Георгия Гумаровича. Простите. Как-то само собой получается.

– Привет, – Георгий поднимается из-за стола и протягивает мне ладонь для рукопожатия.

Сминаю ее своей лапой как следует, чтобы косточки хрустнули. Очки съезжают на нос.

– Что у вас произошло? – спрашиваю, пока Кам разбирает наше оборудование.

– Айфон упал, вот здесь, – нерусский парень жестом подзывает к себе.

На деревянном плотике только он один.

– Зачем он тебе теперь? – Камиль посматривает на воду, а затем на меня. – Вряд ли будет работать после такого.

– Он в специальном влагозащитном корпусе. Я заплачу, ребят. Сколько надо?..

Переглядываемся.

– Сотка, – называю цену.

Кам опускает глаза и улыбается.

– Чего так дорого, ребят? – Свечник подбирается ко мне сзади.

На всякий случай отхожу подальше. Мало ли что у него на уме?..

– Дорого так дорого, мужики. – Напарник принимается сматывать страховочную веревку.

– Ладно, черт с вами! – Арсен машет рукой. – Айклауд там, а девки, – кивает в сторону отеля, – видео в бассейне наснимали. Жена увидит – мне крышка, мужики.

– Так может, она уже увидела? – спрашиваю.

– Она с Кубы сейчас летит. В самолете. Точно не видела, но время поджидает.

Камиль опять принимается разбирать веревки и называет новую цену:

– Сто двадцать.

– Только что было сто! – Арсен недовольно возмущается.

– А это чтоб жене не изменял, – ворчу, скидывая футболку и спортивные штаны. – Чисто из воспитательных целей.

– А еще спасатели. МЧС! Вы ведь людям помогать должны!.. – увидев мой взгляд, он пораженно поднимает руки. – Простите! Я понял. Сто двадцать так сто двадцать. Я оплачу.

На все про все у нас уходит час.

Кам, как обычно, боится, я отправляюсь под воду. Здесь неглубоко, но кабздец как мутно и холодно, а на дне куча ржавого металла, поэтому приходится постараться.

– На В-банк по номеру телефона, – говорю, переодеваясь обратно.

Пока идем к машине, замечаю Полину на коленях у мужа.

– Не расстраивайся, Мик, – поддерживает напарник. – Лучше слых сюда, че я придумал!

– Чего? – бурчу, запрыгивая за руль своего новенького «Паджерика» в синем цвете. Вернее, по годам он очень даже старенький, но так уж вышло, что встретились мы с ним, как с Бенджамином Баттоном, на закате его лет, когда я еще совсем молод.

Кам многозначительно играет бровями.

– Если додик этот – Свечник, то Полька твоя – знаешь кто?

– Кто? – захожу в мобильное приложение банка, чтобы отправить напарнику половину.

– Подсвечник! – торжественно выдает друг, и мы оба сотрясаем тачку сумасшедшим хохотом.

Глава 3. Микула

Каждая осень и весна у спасателей-водолазов начинается с работы на общественных началах: мы посещаем детские сады и школы, рассказываем об опасности воды и правилах, несоблюдение которых может стоить жизни.

И да...

Момент шепетильный, но любой из нас, кто когда-либо участвовал в операциях по поиску пропавших на воде (а живых мы не спасаем), понимает важность таких встреч и относится к ним с уважением.

– В общем, самое главное, что вы должны запомнить: не подходить к реке или озеру без взрослых. Даже если вы просто захотели ножки помочить. Даже если воды в ведро набрать. Даже если мелко.

Обвожу взглядом класс. Серьезные детские лица замерли в ожидании.

– У любого водоема с детьми должны находиться взрослые! – продолжаю.

– А моя мама на лежаке все время засыпает, – произносит девочка с пластинками на зубах.

– Это плохо, – присаживаюсь на краешек стола и складываю руки на груди. – Скажи маме, что спать нужно дома в кровати, а отдых на пляже – это экстремальный отдых и очень опасный.

– А почему водолазы не всплывают, когда работают на дне? – интересуется любознательный парнишка.

– Потому что наше снаряжение не приспособлено для плавания. Водолазный костюм – это герметичный скафандр. Тяжелый сам по себе. Плюс большой металлический шлем, который крепится на шее, – показываю на себе. – К нему же подключают шланг.

– А дышит он кислородом?

– Нет. Под водой мы дышим обычным сжатым воздухом, который очистили от пыли и примесей, а вот чтобы водолаз не всплывал на поверхность и отработал все задачи, которые поставлены перед ним руководством, к поясу привязываются грузы. Вес их подбирается для каждого индивидуально. Если водолаз стройный и маленького роста – поменьше, если, как я, широкий и высокий, то побольше.

– А длинные волосы вам под водой не мешают?.. – доносится с задних парт смущенное.

В классе раздаются короткие смешки.

– Не мешают, – открыто смеюсь и провожу рукой ото лба до тугого пучка на затылке, а затем потираю шершавый подбородок. – Я уже привык.

– Так, дети, если есть еще вопросы по работе водолазов – задавайте. У Микулы Никитича могут быть дела, не будем его задерживать, – учительским голосом произносит Наташка Селиванова.

Девчонка она нормальная, как-то в одной компании встречались, но уж больно пристающая. На такую раз посмотришь – кучу всего себе напридумывает, поэтому всегда держу вежливую дистанцию.

– Мик, – говорит она, когда выходим в коридор, – спасибо тебе огромное. Было очень полезно.

– Пожалуйста, – надеваю ветровку поверх футболки.

– Давно тебя не видела, мы с ребятами вечером играем в падел. Приходи. Будем рады.

– Спасибо, я подумаю, – усмехаюсь и отправляюсь на выход.

– В «Юбилейном». В шесть! – кричит Наташа в спину.

– Ага, понял-принял, – поднимаю руку.

Сначала собираюсь заехать к матери, но по пути к ней от Полины приходит сразу с десятков сообщений. В груди свербит что-то вроде раздражения.

«Привет».

«Мик...»

«У меня тут авария».

«Я что-то повключала, и во всем доме заработал теплый пол».

«Спаси меня, пожалуйста».

«Умоляю».

«Я изжарюсь и умру».

«А мой Георгий улетел на презентацию своих препаратов в Москву».

Морщусь, как от кислого вперемешку с горьким. Презентация геморройных свечей в Москве?

Стыд-то какой.

Тут же набираю ответ: «Заеду». Не то чтобы Кам был прав и я не умею отказывать Полинке-витаминке. Просто мозг работает в направлении того, что она... как бы своя.

А своим надо помогать. Всегда.

Вот и все.

Перехватив хот-дог с кофе на заправке, еду в загородный коттеджный поселок, в котором Геморроевич на заработанные на чужой беде деньги купил себе и Полинке дом.

– Наконец-то, – открывает бывшая в коротенькой шелковой ночнушке. – Я тут с ума схожу.

– Сейчас почию, – отворачиваюсь.

Уже знаю: здесь установлена электронная система «Умный дом». Абсолютно ненадежная, потому что в этом доме ею пользуются глупые люди, один из которых – мужик с руками из жопы. Зато, по роду деятельности, явно здоровой.

Через десять минут чувствую, что футболка прилипла к телу, поэтому от нее избавляюсь. Еще минут двадцать соображаю, как подобраться к термостату, и выясняю, что поломка произошла в смесительном узле, где сгорел термосмесительный клапан. Слава богу, систему устанавливали профессионалы, предусмотревшие срочные поломки: новый клапан нахожу в коробке от производителя, а на его замену уходит почти час.

– Выпьешь кофе, Микуш? – интересуется Полина, опираясь на мою спину и заглядывая в отверстие в стене.

– Нет, – закрываю техническую дверцу. – Домой поеду.

– Давай посидим, поговорим.

– Домой поеду. – Беру футболку и выхожу из техпомещения.

Полинка следует за мной. Дышит между лопаток, когда останавливаюсь.

А потом прижимается сзади.

– Я по тебе скучаю, – признается. – А ты по мне?

– Некогда скучать, работу в холодной воде отрабатываю с новенькими и к профконкурсу готовлюсь.

– Я же о другом, глупенький.

Вздыхаю, потому что это долбаное дежавю.

Есть такие люди, которые считают себя самыми красивыми, умными, всезнающими и правильными. Самыми, мать их, лучшими! Одна из них – моя Полина. Долгое время я находился под воздействием чувств и этого не замечал. Только потом скумекал: мне никогда не стать для нее нормальным. Она во всем найдет изъян, а жить двадцать четыре на семь с вечно нудящим критиком – совершенно не мое.

Хотя надежда, что она изменится, была.

– Слушай, не надо наглеть, – останавливаю шаловливые руки, уже расправляющиеся с моей шириной. – Дождись мужа, Полина. Так будет правильно.

– Да что ты заладил? Муж-муж!.. Ты ведь знаешь, что я за него вышла, чтобы тебя позлить. Подергать тигра за усы...

– Хотела подергать, а оставила без усов. Считай, что перестаралась. Не будет у нас больше ничего. Вышла замуж – живи, радуйся, вари носки, стирай борщи, к чему ты там всегда стремилась?

– Микула!.. – растерянно произносит.

Злость берет. Думаю, может, как взять ее... и дать, что хочет?.. Отодрать так, чтобы взвыла. А потом приходит осознание, что мне это на хрен не надо.

Вообще не надо.

– Мик, я...

– Я пошел, – натягиваю футболку, снимаю ветровку с вешалки и цежу: – Мне геморроя в жизни хватает! Спасибо!

– Какой же ты дурак! – выкрикивает она из-за двери. – И кому ты нужен, кроме меня? Я за Георгия вышла, потому что он мужчина с большой буквы. А ты? Ни одна нормальная девушка за тебя замуж не пойдет!

– Значит, найду ненормальную, – бросаю зло и, отвернувшись от ветра, направляюсь к машине.

Глава 4. Ясмина

На автовокзале такая толпа, что протолкнуться просто нереально, но по счастливой случайности прямо передо мной поднимается грузная женщина, подхватывает многочисленные сумки и несется к выходу на перрон.

Благополучно занимаю ее место: до прибытия еще целых полчаса.

Из-за духоты снимаю черный оверсайз-бомбер и, недобро зыркнув на плящегося на меня русского парня напротив, спокойненько вздыхаю.

Мой любимый стиль в одежде – нормкор. Сейчас уже не редкость, что люди не хотят как-то выделяться и отдают предпочтение простым, базовым вещам. Обычная худенькая девчонка небольшого роста с ровным каре, в кедах тридцать пятого размера и стаканчиком горького американо в руке. Если встретите такую где-то на входе в метро, то это буду я.

Ясмина Радиковна Набиева.

Исэнмесез¹.

Приятно познакомиться.

В общем, если джинсы – то только мом и только в классическом синем цвете. Одна модель, которую я заказывала в «Агате» уже пять раз. Обожаю маркетплейсы: удобно и всегда быстро.

Если футболки, то только такие, как сейчас на мне, – обычные белые. Их покупаю сразу упаковками. Двенадцать штук – и полгода в ус не дуешь. А белый всегда смотрится красиво. И в пир, и в мир. Так зачем всякий раз изобретать велосипед, тратя время у шкафа?

В моей жизни есть вещи гораздо интереснее. Например, многие называют меня ведьмой. Стоит мне только подумать о ком-то или о чем-то, как все тут же сбывается или я встречаюсь с объектом своих мыслей.

Как вот сейчас, когда из динамика, закрепленного под потолком телевизора, вещает новостной диктор:

– Сегодня утром владелица самого известного в стране маркетплейса Федерика Отец-Росси в четвертый раз стала мамой. Муж Федерики Владислав сообщил нам, что у пары родился сын – Добрыня-Теодор. Пожелаем счастливым родителям всего самого наилучшего. И к другим новостям...

Добрыня...

Имя такое глупое. Никогда не любила этих историй про русских богатырей. Люди, решающие большинство вопросов с помощью кулаков, далеки от меня так же, как, надеюсь, и я от них.

– Внимание. Прибытие из Аракеево, – слышится гнусавый голос диспетчера, и я подскакиваю с места.

Схватив бомбер, протискиваюсь между двух очередей.

Осенний воздух бьет в лицо вместе с ароматом жареных пирожков и выхлопных газов. Я подхожу к старенькому «Икарусу» и оглядываюсь по сторонам.

– Яминка, сэлам²! – слышу за спиной.

Оборачиваюсь и осматриваю долговязого узкоглазого брюнета в рубашке с коротким рукавом и широких брюках. В руках у него горшок с цветком и пакет с надписью «Русские колбасы».

– Сэлам-сэлам. Ты что ль, Фидель?..

¹ Здравствуйте (татарский) – здесь и далее – прим. авт.

² Привет (татарский)

– Я, Яминка, я, – он по-простому улыбается. – А ты это... не помнишь, что ль?

– Не помню, – строго киваю и убираю волосы за ухо. – Пойдем... раз уж приехал.

Начинаю квест по выходу из автовокзала, делаю это по привычке слишком быстро, поздно замечаю, что Фидель отстал. Остановившись, складываю руки на груди и жду.

– Ты чего бежишь так, Яминка? – запыхавшись, спрашивает. – Я устал же... Ты остановился...

– Пойдем туда, – указываю на вывеску в кафе.

– Дорого там. Ну пойдем, – соглашается. Мы заходим внутрь и садимся за стол. – Это, кстати, тебе. Эбика передала. Сказала: подари хоть Яминке, сама росила.

Критическим взглядом осматриваю орхидею, а вернее, фаленопсис. Комнатные цветы я люблю, у нас в доме их много: рассаживаю, поливаю, протираю листочки.

– Спасибо, – принимаю горшок.

– А это бешбармак, – поднимает пакет. – Мамка сложила. И молоко. Козье.

– Давай уже сюда, – вздыхаю и все забираю. – А чего приехал-то? – с опаской спрашиваю.

Фидель довольно улыбается. Светится весь, как мои старики в день пенсии.

– Так жениться хочу. Эбика говорит: «Поезжай, Фиделька, ты в Новгород, там дочка Радикова... Яминка. Поженитесь, детей потом родите...»

– Мужчины не рожают детей, – чопорно поправляю.

Что за привычка присваивать себе чужие заслуги?

– Ну я так... это... образно ж, Яминка!..

– Не надо образно, – осекаю. – А лет тебе сколько? Работаешь где?

– Так двадцать семь-то стукнуло. Весной же еще. А работаю у нас в деревне водителем автобуса. В район езжу. Первый человек, считай. Старикам надо лекарства, справки какие – все везу. Не забесплатно, конечно, так что жить есть на что.

– Помогать надо просто так. Иначе это не помощь, а заработок на чужой трагедии, – недовольно бурчу, но внутренне выдыхаю.

И этот бракованный.

Фидель откашливается, проверяет, застегнуты ли пуговицы на рубашке, а я думаю, как отшить женишка поскорее.

Папа-папочка, как же ты меня достал со своими смотринами!..

– Ладно, – поднимаюсь из-за стола. – Я все поняла. Спасибо за цветок и подарки. Позвоню тебе еще...

– Так... а ты куда... я думал, город мне покажешь, гулять будем. Бешбармак есть.

– Ты голодный? – спрашиваю, поглядывая на пакет.

– Нет, это тебе привез.

– Ну и все. На связи...

Ухожу скорее.

– Яминка...

– Чего?

– А как ты позвонишь, если у тебя нет моего номера? – растерянно спрашивает Фидель.

– Справедливо. – Возвращаюсь и стискиваю горшок. – Записывай.

Приходится продиктовать ему цифры.

Наконец-то распрощавшись с потенциальным мужем, поскорее захожу в метро и еду к бабе Тасе. Из-за встречи на автовокзале пришлось отложить свой визит к ней.

– Ясик, ау! – кричит она из комнаты, когда открываю дверь.

– Здравствуйте! – ору так, что у самой уши закладывает.

– Ясик... Ау!

Ставлю цветок на стул в прихожей и снимаю кеды. Баба Тася всю жизнь проработала на камнедробильном заводе, поэтому глуховата на оба уха. В моей картотеке так и значится: «Ау-ди».

Останавливаюсь в дверном проеме и машу ей. Тепло улыбаюсь. У одиноких стариков нет в жизни больше радости, чем мой приход. Поэтому плохое настроение стараюсь оставлять в подъезде.

– Здравствуйте. Как ваши дела? – интересуюсь.

– Да погода-то нормально. Я ведь утром в магазин ходила. Все купила, Ясенька. Ты мне ужин свари...

– Конечно, – уже отправляюсь на кухню, а потом вспоминаю про пакет, одиноко стоящий у порога.

– А хотите бешбармак? – снова заглядываю в комнату.

– Башмак? – она удивляется.

Вздыхаю.

– Сейчас сделаю... – тащусь на кухню, выкладываю гостинцы и разогреваю ужин для бабы Таси.

– Вот, – ставлю перед ней тарелку. Аромат насыщенный, мясной. Ей должно понравиться. – Это наше... татарское...

– Январское? – пугается она.

Сентябрь ведь.

– Татарское! – кричу и смеюсь. – Ешьте. Очень вкусно...

– Грустно? – переспрашивает.

– И грустно тоже... – вздыхаю и сажусь напротив. – Снова у вас батарейка в слуховом аппарате села? Завтра новую занесу.

Молоком наполняю стакан.

– Выпейте вот.

– Гадость какая-то, – баба Тася смешно морщится и вытирает губы рукой. – Воняет чем-то.

– Козой, наверное... – смеюсь и подношу бутылку к носу. – Может, скисло по дороге?

– Что обвисло? – снова не слышит.

– Ешьте давайте, – складываю руки на столе. – Я посуду помою и домой поеду. Поздно уже...

Она ест. Вроде нравится. Вот и славненько.

Разобравшись с грязной посудой и наскоро вымыв пол, снова в обнимку с цветком несусь к метро.

– Как назвать тебя? – шепотом спрашиваю у фиолетового, одиноко болтающегося цветка уже в вагоне. – Будешь Лютиком. Если ты не против, конечно.

Растение монотонно кивает. Соглашается.

– Сейчас отнесу тебя домой. Сильно там не пугайся. У нас всегда шумно. У меня целых четыре старших брата, и они все женаты. И все живут с нами, вместе со своими детьми. Но я тебя в комнате спрячу, обещаю. И в обиду никому не дам. Главное тебя Альмирке не поручать. Это жена Шамиля. У нее руки знаешь какие?.. Если она готовит, то даже хеликобактердохнет...

Добравшись до дома, осторожно разуваюсь и на цыпочках иду в свою комнату, но в спину прилетает точный татарский удар словом:

– Стоять!..

– Пап, – оборачиваюсь и мило улыбаюсь. – Привет...

Отец у меня тоже небольшого роста. У него темные волосы, огромные черные глаза и густые усы. Типичный татарин, как и я.

– И что на этот раз?.. – Он дышит шумно.

– На стариках зарабатывает, отец, – быстро нахожу брак в заводских настройках Фиделя. – Не мое это!.. Ты ведь знаешь, как я к подобному отношусь.

– Знаешь что, кызым³? – он смешно подтягивает трико и хмурится так, что свет в доме моргает, а из гостиной выглядывают четыре пары глаз – мои племянники. – Больше ты меня не проведешь. Либо выходи замуж за Фиделя, либо... уже хоть за кого-нибудь выходи!.. – орет.

– Почему я вообще должна обязательно выходить замуж? – тоже срываюсь.

Лютик испуганно дрожит в руках.

– Я ей кояшым⁴, я ей жилэк⁵, а она нос воротит. Устал я, Ясмина. Устал. Выходи за кого хочешь. Хоть... за лешего! Хоть за водяного! – рычит отец.

– Как вы меня все достали! – кричу в потолок. Так громко, чтобы даже курицы в курятнике услышали.

Токая, бегу в свою комнату и закрываю дверь на ключ.

– Ну, кояшым, – аккуратно ставлю Лютика на прикроватную тумбочку и смотрю в окно. – Будет тебе Водяной, жилэк!.. Будет!..

³ Дочь (татар.)

⁴ Солнышко (татар.)

⁵ Ягодка (татар.)

Глава 5. Ясмина

Степанида Андреевна тяжело вздыхает и, надвинув на глаза очки, смотрит в старенький экран компьютера. В ее кабинете, как всегда, высятся стопки папок с отчетами по участкам и пахнет чем-то вроде корвалола.

Осознание, что сегодня к этому аромату причастна я сама, заставляет в очередной раз почувствовать себя виноватой. Хотела ведь как лучше. Всегда так хочу, но сталкиваюсь с реальностью, в которой люди совсем не одуванчики. Чаще – борщевики.

Медленно считаю до пяти.

Один, два, три, четыре, пять... и иду сдаваться.

– Можно? – аккуратно стучусь.

Начальница отвлекается и строго прищуривается.

– Что ты там полчаса отираешься, бедовая? – ворчит она и зовет приглашающим жестом. – Гони сюда.

– Здравствуй, Степанида Андреевна, – выдыхаю с облегчением, снимаю бомбер и сажусь на краешек стула.

Вытянув ноги, жду страшной кары.

– Ну?

– Что? – шепотом спрашиваю.

– И чего ты до нее докопалась?

– До Вероники Робертовны? – Потираю нос.

– До нее... До Каргапольской!.. Чем ты ее допекла, что она на тебя пожаловаться аж в Администрацию Президента дозвонилась? Спасибо, что не самому... – кивает наверх. – Рассказывай давай.

Мнусь.

– У Вероники Робертовны преддиабет... а она пятую конфету с чаем лопает, – встаю, потому что этот факт меня возмущает. – Что же я, молчать должна?.. Как можно к своему здоровью относиться настолько безалаберно? Ну скажите, я ведь права?

– Сядь, эндокринолог чертовый! – велит строго Степанида Андреевна. – Отписываться теперь будем... Бери лист... Пиши, что расстройство у нее... психиатрически-психологическое. И возрастное!..

Я тут же смягчаюсь.

– Она в целом нормальная, – возражаю. – Мы в итоге договорились на крекер. Не знаю, что на нее нашло... Напишу, что конфликт исчерпан.

Степанида Андреевна смотрит на меня пристально, затем снимает очки и устало потирает переносицу.

– Ох, Набиева, и долго это будет продолжаться?

– Не знаю, – честно признаюсь, сжимаю ручку и жалобно всхлипываю. – Я вроде стараюсь к каждому с душой, помогать, часто даже сверх инструкции.

– А не надо сверх инструкции. Сверх инструкции запрещено инструкцией!

– Так она все равно не видит. Сверху-то... – мягко улыбаюсь.

Но Степанида не сдастся.

– Я тебе сколько раз говорила, Ясмина?

– Много.

– Зла не хватает, что ты такая добрая!

Эту фразу здесь я слышала сотню раз.

– И что теперь будет? – окончательно расстраиваюсь.

Последствия ведь не заставят себя ждать.

– Отвоюем, – Степанида Андреевна бьет кулаком по столу. – Схожу сама к старой карге. Быстро узнает, что такой настоящий соцработник! Без намордника.

– Не надо, – смеюсь и начинаю писать шапку объяснительной. – На чье имя?

– На имя мэра. О, кстати, я же забыла, Ясминочка. В проект тебя взяли, – начальница находит в завалах на столе пухлый белоснежный конверт. – Сам мэр. Наш Константин Олегович.

– Что еще за проект? – пугаюсь.

От администрации хорошего не жди. Либо на субботник подпишут, либо что еще похуже. Тяну отрывную ленту и заглядываю внутрь.

«Горько. Одобрено нейронкой».

– Поздравляем, – читаю надпись на открытке. – *Вас выбрали для участия в первом государственном проекте, направленном на восстановление и поддержание семейных ценностей.*

Хмурюсь и смотрю на начальницу.

– Читай-читай, бедовая.

– *Для участия в проекте вам необходимо выйти замуж...* Они там в администрации с ума посходили? – шиплю.

Степанида Андреевна поднимает руки.

– Я тут ни при чем.

– *...за нашего кандидата,* – читаю дальше. – *И прожить в браке как минимум один год на одной территории.* Да они больные!..

– Ясмина...

– *Кандидат, полностью подходящий вам по всем параметрам, уже выбран искусственным интеллектом.*

Нашли кому доверять.

– *В случае если Ваш брак пройдет все жизненные испытания и продержится до окончания проекта, каждый из участников получит жилплощадь от Администрации – квартиру-студию в ЖК «Тихие соседи». Восемнадцать квадратных метров...*

Что-то на уровне бреда, но для меня *восемнадцать* в самый раз. И с приборкой не заму-чаешься.

– «Тихие соседи»... Это где вообще?

– Так аккуратно напротив городского кладбища, – радостно кивает Степанида Андреевна.

– М-да... – качаю головой.

Вскрываю второй конверт.

– *Ваш кандидат – Микула Никитич Русский,* – прочитав, морщусь. – Имечко у него, конечно... Звучит, как будто из Древней Руси сбежал.

– А ты разве не знаешь Микулу?

– Я? Откуда? – удивляюсь.

– Его все в городе знают. Он этот... этот... как его... о, водяной!..

– Водяной? – конверт от шока падает на стол.

Мистика какая. Лютик бы с ума сошел от таких новостей.

– Вернее, водолаз, – исправляется начальница.

– А лет сколько? – с облегчением спрашиваю.

– Двадцать семь.

– Немолодой...

– Так и ты чай не девочка...

– Вы, вообще, на чьей стороне? Не собираюсь я за него замуж! Мне татарин нужен, а не... Ми-ку-ла, – по слогам читаю.

– Ничем не помогу, – шикает Степанида, выгоняя меня из кабинета. – Отказаться от проекта вы сможете только вдвоем. У меня онлайн-совещание, брысь отсюда.

– Ах, вдвоем?.. – вскакиваю и, подхватив конверты с бомбером, вылетаю в коридор, а затем и на улицу.

Пока еду в «Центр подготовки водолазов», захожу в известную соцсеть и ввожу в строку поиска «Микула Русский».

Естественно, он в стране один.

Просто больше до такого сочетания никто не додумался.

Интернет плохой, аватарка долго грузится, а альбомы скрыты для друзей, поэтому изучаю стену, исписанную какими-то девицами, а потом замираю...

Глаза сейчас того и гляди из орбит вылезут.

Восемь тысяч друзей?

Восемь??? Тысяч!!!

Он что... Ленинская библиотека?.. Или «Барахолка Нижний Новгород»?..

Откуда столько?

Надеюсь, не занимается ничем противозаконным. Вляпаться бы не хотелось.

Кстати, по гороскопу Микула Водолей – и почему я не удивлена? Я истинная Дева, и это снова проблема, потому что водные знаки со знаками земли вообще не уживаются. Эта же базовый минимум. Неужели нейронка не знает?

Фото наконец-то прогружается и... теперь моя нижняя челюсть падает.

А вот это уже... роскошный максимум.

На меня смотрит симпатичный молодой мужчина в водолажном костюме. Один минус – голубоглазый. Волос не видно, но предполагаю, что там все по классике – короткий светлый ежик, ему так точно пойдет.

Увеличиваю кадр и рассматриваю правильные черты лица и широкие плечи, обтянутые черной резиной.

Рост у Микулы богатырский.

Фигура так... на твердую четверку. Перекачанный чуток.

И пусть он прямая противоположность моему выдуманному идеалу, но человек в водолажном костюме на фото вполне приятный.

Вот только замуж я за него все равно не пойду, поэтому надо закончить с этим недоразумением как можно быстрее... Пока в мою голову не ударила жадность, и я не позарилась на восемнадцатиметровую студию с тихими, пусть и не очень приятными и живыми... соседями.

Глава 6. Микула

– Микулушка, голубчик мой, – мама театрально разводит руки в стороны и улыбается во все тридцать два винара.

Когда я подхожу, она не менее пафосно расцеловывает мои щеки и подставляет мягкие ладони для поцелуев. Затем кружится, демонстрируя новое платье.

– Привет, мам. Отлично выглядишь, как всегда, – вежливо улыбаюсь.

– А ты – нет. Боже! А бледный-то какой!..

– Нормальный... – отмахиваюсь.

– Совсем солнца под своей водой не видишь. Весь день там в резине, как... в общем, как *хрен* знает кто, – громко смеется и поправляет короткую прическу.

Вечный секретарь мамы и заклятая «врагиня» Саня Закировна только фыркает и закатывает глаза.

Кивает мне в знак приветствия.

– Здравствуй, Микула. Не слушай ее, выглядишь отлично.

– Спасибо!

Падаю на двухместный диванчик, складываю руки на груди и осматриваю обстановку.

За пятнадцать лет с постройки нового ДК ничего в кабинете директора не поменялось: высокие потолки с лепниной, окрашенные в грязно-белый стены, деревянные полки, забитые кубками, медалями и дипломами, и напольные вешалки с костюмами, которые просто не успевают уезжать в костюмерную после городских мероприятий.

Это жизнь мамы и моя жизнь... до определенного возраста.

Ни дня покоя. Вечные дедлайны, репетиции и нескончаемые прогоны.

Как только отгремят новогодние утренники и рождественские вечера, начинается подготовка ко Дню влюбленных, Масленице, Дню защитника Отечества и Международному женскому дню, которая плавно перетекает в вечный Парад Победы, День города и Праздник осени. А еще миллион смотров-конкурсов, фестивалей и отчетных концертов кружковцев.

То, что я после армии нашел место, где можно скрыться от всего этого безобразия, – под водой – просто сказка! Там тихо, темно и даже в День Нептуна никто не дергает.

Мама... она у меня такая МАМА.

И если Иван Федорович Крузенштерн – это человек и пароход, то Валентина Александровна Русская – определенно человек и Дворец культуры!

В лучшем его воплощении.

– Не нравятся мне эти красные воланы. – Мама делает два шага назад и разглядывает концертный народный женский костюм. – Тебе как, Микуш?

– Нормально, – только вздыхаю.

– Желтые больше бы подошли. Черный, желтый... Такая хохлома, наша Нижегородская хохлома, но без красного. По-осеннему.

– Чем тебе красный-то не угодил? – прищуривается Саня Закировна и с подозрением сдвигает очки.

– А ты не лезь.

– И почему это мне не лезть? – хмыкает.

– Под руку не лезь. Чтоб ты еще понимала в русской культуре.

– Да побольше твоего. Ишь какая жар-птица нашлась.

Секретарь вскакивает с места и уходит, а мама, глядя на захлопнувшуюся дверь, блаженно пожимает плечами:

– Татарка...

– Мам, – пытаюсь сдержать смех. – Хорош, а?

– Ты мне лучше скажи... Встречаешься сейчас с кем-нибудь? Дома у тебя вчера была, никаких женских следов не обнаружила.

– Ты была у меня дома? – А вот это уже несмешно.

Что за на фиг?

– Конечно, была. С ежемесячной инспекцией.

– Завтра же поменяю замки, – ворчу.

– Меняй. У меня отмычка, – равнодушно признается она.

– Чего? – Ржу – не сдерживаюсь.

– Ничего смешного. У нас от кабинетов вечно ключи пропадают. Молодежь нынче забывчивая, так дядя Витя, завхоз наш – бывший вор-домушник – мне отмычку презентовал и научил ею пользоваться. Удобно: дешево и сердито.

– Аккуратнее с ней. Это, наверное, противозаконно...

– Так я ведь к сыночку. Ни к кому чужому. Уж сколько времени прошло, а ты по Полинке – оторве этой – сохнешь. Пусть только появится, все космы повыдираю.

– Кто тебе сказал, что я по ней сохну?

– Так фотография ее на стене. В кухне-то, – испытующе на меня смотрит.

– Это календарь. Он удобный, мне нравится. В декабре выкину. Без всякого сожаления.

– Ну-ну. А на смотре выступишь? У нас у гопника радикулит.

– У кого?

Блядь. Смехопанорама.

– Ну из ансамбля, которые гопак танцуют. Гопниками их называем. Ты ведь умеешь, Микуш. Станцуй, а?..

– Умею, – ворчу, раздумывая. – На репетиции и прогоны ходить не буду, – предупреждаю сразу.

– Я тебя прикрою, – подмигивает мать и сразу веселеет.

Я поднимаюсь.

– Пойду. Надо это обмозговать.

– Что?

– Мать заставила стать гопником!

– Ой, скажешь тоже. Иди-иди, давай, и Санию позови. Чай пора пить.

Поздоровавшись как минимум с двадцатью разными людьми, добираюсь до машины и по осенним улицам Новгорода гоню на работу.

Как только захожу в раздевалку, залетает наш старший – Павел Георгиевич Пидорин.

– О, Русский! Пришел?.. Дело есть. Поручение от администрации города.

– Снова в группу губернатора надо добавиться и лайки поставить? Или не такое важное?

– Да нет... Тут посерьезнее. Жениться надо!..

– Я? Жениться? – хохочу, застегивая тяжелый гидрокостюм.

Совсем уже сдурела администрация. Константин на радостях от отцовства всех вокруг решил осчастливить?

Начальство за мной еле поспекает. Нудит в ухо:

– А ничего смешного, Мик. Допрыгался. В администрации города решили избавляться от холостяков! Ты – первый.

– Ну спасибо, что не методом отстрела, – захожу в бассейн.

– Новые технологии, Микула! Даму для тебя выбрала сама нейронка. Цени!

– Высокую, стройную блондинку? – мечтательно уточняю.

Мой типаж – что-то вроде Полины. Такая русская девица, можно даже в кокошнике. Я в хорошем смысле извращенец.

– У вас с ней стопроцентная совместимость!

– С блондинкой или с нейронкой? – скалюсь.

Достал, Пидорин!

Зафиксировав хвост, натягиваю шлем.

– С... Ясиной Набиевой, шутник. Она, кстати, на проходной тебя дожидается. Сюда не идет, говорит, воды боится.

– Набиева... Воды боится... – чувствую подвох. – Пал Георгич! У меня фамилия – Русский. И я водолаз. Что-то напутала ваша нейронка...

– Может, вы в другом чем схожи?

– Это вряд ли... – замечаю несущуюся на меня черноволосую девицу. Не то мальчонка, не то собачонка... Еще и злющая, как черт. – В общем, делайте что хотите – на ней жениться я не согласен! И разговаривать тоже.

– Давай-давай, умник! Пообщайтесь тут. Осторожнее только, она плавать не умеет. А то из холостяков да во вдовцы так сразу, – ржет Пидорин.

Оставляет нас вдвоем, а я делаю вид, что не замечаю смуглую Кнопку и демонстративно отворачиваюсь.

– Вы... этот... как его... – шелестит бумагами. – Микула... Русский?

– Ну... я.

– Нам бы поговорить, – робко просит.

– О чем нам разговаривать? – спрашиваю, резко закидывая на спину баллон с воздухом. О том, что она сзади, забываю.

Как кеглю в боулинге сбиваю.

Типа... страйк.

– Вы совсем?! – слышу вскрик и наблюдаю, как Пуговка поскользывается и валится напрямиком в бассейн.

Что примечательно – глубиной он двенадцать метров.

– И откуда ты взялась?.. – Погружаюсь в воду.

Глава 7. Микула

«Ненормальная...» – пролетает в голове, пока пытаюсь ее догнать, потому что девица даже не собирается проявлять признаки базового инстинкта самосохранения и мелкокалиберной пулей несется прямо на дно.

Черт.

По ощущениям, ловлю где-то посередине и, перехватив за хрупкую талию, прижимаю к себе. Вытягиваю наверх. Как назло, курсанты перед практикой заняты теорией в учебном классе, поэтому в бассейне ни души.

И Пидорин ушел.

Так.

Ладно.

Поднатужившись, забрасываю девчонку на борт, а затем снимаю баллон и выбираюсь сам. – Так, давай-ка дыши, – стягиваю маску с лица и резинку с волос. – Ты чего, помирать тут удумала?..

Решаюсь быстро, потому что чего ждать?

Запрокинув голову девчонки, обхватываю ладонью хрупкую шею и большим и указательным пальцами зажимаю маленький носик.

Как debil, смотрю на розовые с мелкими синими прожилками губы. Верхняя – тонкая. Таких сейчас днем с огнем не сыщешь, научились надувать и маскироваться. А нижняя – пухлая, выдающаяся вперед, будто девица не дышит, но уже заранее на меня обижена.

– Спящая красавица, значит... – потираю влажную шею и бросаю взгляд на закрытую дверь.

В конце концов, спасатель я или кто?

Не хватало, чтобы она тут и правда скончалась.

Глубоко вдыхаю и плотно прижимаюсь к неподвижному рту. Делаю выдох в ее легкие. Много ли там надо? С кулак Пидорина, поди?..

В нос проникает аромат чистоты, и что-то подсказывает, это не хлорка от бассейна. Так пахнет девица сама по себе.

Все по правилам: первые десять выдохов быстрые, резкие, как шлепки, затем замедляюсь. Похоже на секс, только ни хрена не секс.

Спасатель-профессионал внутри борется с мужиком.

Особого фетиша на поцелуи у меня давно нет: я в отношениях был целых восемь лет. Так, раз-два-три в качестве небольшого аперитива перед основным блюдом. С аппетитом у меня все в порядке, нагуливать не приходилось.

– Дыши, блин, – рычу в нее.

Скосив глаза на вздымающуюся грудную клетку, замечаю, что бюстгальтером девица, как и техникой безопасности, пренебрегает. Белая футболка облепила аккуратную округлость с холмиком посередине. Чисто на эмоциях обхватываю его и припадаю к приоткрытым губам.

Девчонка оживает, но я хороший спасатель – иду до конца.

Она пытается сжать зубы – я не даю.

Языком, конечно. У меня во рту больше ничего под рукой не имеется.

Как только пытаюсь отодвинуться, моя утопленница входит в раж и тянется за мной. Ну а я чего? Решаю отметить спасение французским дежурным поцелуем и захватываю остренький язычок.

Тоже мелкий.

Она вся такая...

Прикрываю глаза и чувствую, что гидрокостюм становится маловат в районе паха, а это ощущения не самые приятные, поэтому отлепляюсь и осматриваю порозовевшее лицо малыхи.

– Вы... викинг? – спрашивает она, поглядывая на мои волосы, и тянется к ним дрожащей рукой.

– Я... водолаз, – отвечаю.

Темные глаза чернеют.

– Водолаз... – она хмурится и привстает на локтях, а я не успеваю вовремя убрать руку с...хм... грудной клетки. – Вы что... меня лапали?

– Вот еще, – невозмутимо поднимаюсь и тут же отворачиваюсь, чтобы не светить раздутым пахом.

– Вы лапали мою грудь. Я видела... – обвиняет малыха и прикрывается.

– Там была грудь? Не заметил. – Невозмутимо разбираю баллон, чтобы просушить.

– Вы... – вскакивает, – вы уронили меня в бассейн?

– Ты сама подошла слишком близко.

– А вы... бешеный? К вам близко нельзя?..

– Не такой бешеный, как ты, Кнопка, – усмехаюсь и, присев на скамейку, еще раз ее осматриваю.

Забавная.

Худая, капец. Но пропорциональная. Не коротконожка. Хотя чисто внешне не в моем вкусе, да и наглая.

Нет бы спасибо сказала.

Мол, так и так, спаситель мой Микула Никитич. Что хочешь проси – я на все согласная.

– Так... – сжав кулаки, она опускает руки и медленно втягивает воздух в микроскопические легкие. Типа успокаивается. Про то, что футболка просвечивает, забывает, а я – нет. – Я пришла поговорить с вами. По какой-то нелепой случайности администрация включила нас в проект, и мы должны пожениться.

– Ну и? – Единичка или двойка? Интерес чисто спортивный.

– Я татарка, и моя семья придерживается традиционных взглядов. – Девушка собирает с пола свои бумажки. – Поэтому нам надо отказаться.

– Так отказывайся. Я – Русский.

– По условиям проекта, мы должны отказаться вместе.

– Администрация в своем репертуаре, – вздыхаю. – Еще не согласился, уже условия ставят.

– Давайте съездим туда вместе и поскорее закончим с этим... недоразумением.

– Да хотелось бы, – ворчу и поднимаюсь, складывая руки прямо перед пахом. – Сейчас постараюсь смениться и переоденусь. Съездим.

– Спасибо, – отвечает с облегчением.

– Тебе бы тоже переодеться.

Она опускает взгляд и вскрикивает. Прикрывается застенчиво. Девственница, что ли?

Как школьница. Даже стыдно становится, что я к ней с французским дежурным приста-вал.

Бес попутал, заработался.

– Пойдем, – вздыхаю. – Дам тебе чего-нибудь. – Вспоминаю, что в шкафчике лежит подарок от Полины. Они с Геморроичем гоняли на чемпионат мира по футболу и, конечно же, привезли мне, как самому близкому, подарок: футбольную форму с автографом Месси.

Подмениться с трудом, но получается.

Запрыгиваю в джинсы и футболку и оставляю девушку в раздевалке.

– В машине подожду, – ворчу, забирая ключи со стола. – И в бассейн больше без круга ни ногой.

– Очень смешно. – Она пытит и дергает щеколду после того, как дверь за мной закрывается.

Уже в тачке, нацепив очки, дожидаясь, пока татарочка выйдет из здания, и с интересом наблюдаю, как она обходит служебную стоянку в поисках меня. Мужские шорты выглядят на ней как юбка, а синяя майка явно большеватая.

В руках набитый мокрыми вещами женский рюкзак.

Сурово бью по клаксону.

Она вздрагивает, поправляет полувисохшие короткие волосы и начинает судорожно осматривать автомобили, так и не поняв, откуда именно звук.

– Наказание какое-то, – ворчу и, открыв дверь, вскакиваю на подножку «Паджерика». – Эй! – сунув пальцы в рот, оглушаю свистом воробьев, купающихся в луже, и мою нареченную самой администрацией.

– Децл, – зову мрачновато. – Ты долго там еще?..

Девица разворачивается и, обдав меня пренебрежением с помощью одного лишь короткого взгляда, направляется ко мне.

Глава 8. Ясмина

Денек сегодня просто прекрасный.

Теплая осень только началась, и еще есть ощущение, что впереди меня ждет что-то волшебное и новое. Надо только завершить дела с этим дурацким проектом. Выйти замуж за этого отбитого, невоспитанного парня со странными волосами и закидонами здорового мужлана?

Вот еще!

Хуже... хуже только убирать за СсангЙонг...

Я поворачиваюсь, осматриваю широченные плечи, обтянутые обычной футболкой, и сильные руки с длинными пальцами, сжимающими руль. И эти волосы, будто выгоревшие на солнце и выстиранные порошком для белого.

Но не все так плохо – опускаю взгляд на узкие бедра и мускулистые ноги и вспоминаю его легкую походку. У Микулы Русского при всех его внушительных габаритах отлично развиты пластичность и гибкость. Моя преподавательница по танцам, в которых у меня ничегошеньки никогда не получалось, сказала бы, что у молодого человека хорошо расслаблен таз.

Значит, хорошее кровообращение... там.

Почему-то именно эти мысли заставляют меня покраснеть так, что краснота тут же отражается в стеклах.

– Ну и чего ты дуешься, Малая? – спрашивает накачанный Викинг в солнцезащитных очках, пока его огромный автомобиль везет нас в администрацию города.

– Вот еще. Я не дуюсь, – деловито веду плечом. – Я очень стрессоустойчивая. И хватит придумывать мне клички... Я ведь не собака...

– Ладно-ладно, Кроха. Не злись.

Микула как-то по-особенному улыбается и быстро посматривает на мой подбородок.

Раз, потом еще и еще. Через стекла видно, что прищуривается и смотрит на дорогу.

Или это он на губы пялился?..

Облизываю их и насупливаюсь. Они... какие-то другие, будто чужие. Размякли от воды или покусал кто?

Украдкой изучаю губы Русского. Они с виду жесткие, ярко-красные и при этом обветренные.

Отворачиваюсь и ерзаю на сиденье.

На мне нет белья. Мокрое я сняла и спрятала в рюкзаке вместе с футболкой и джинсами. Так что под футбольной формой Микулы я ощущаю легкий, волнующий сквозняк. И в голове тоже.

– Не думала, что спасатели столько зарабатывают. – Осматриваю кожаный салон и магнитола с жидкокристаллическим экраном и обилием самых разных кнопок.

С техникой я на «вы».

Мой максимальный уровень – разобраться с тостером или поставить будильник на телефоне. Со всем, что сложнее, прошу помочь отца или братьев, которые шутят, что я ментально старею со своими стариками. Может быть, это и так, потому что иногда хлеб получается горелым, и я опаздываю на работу, потому что будильник не срабатывает.

– А почему спасатели не могут хорошо зарабатывать? – спрашивает Микула, небрежно махнув парню на светофоре. – Разве мы хуже остальных?

– Я не говорю, что вы хуже. Просто... я тоже бюджетница и у нас зарплаты другие. Я два года откладываю на мини-мокик.

– Мини-мокик?.. – Русский плотоядно улыбается, опуская очки на нос.

– Что? Это такой мопед...

– Я знаю. Может, – играет широкими светлыми бровями, – стоит тогда начать с мини-самоката или мини-велика?..

– Какой вы... – теперь точно дуюсь.

Бросаю на него гневный взгляд и отворачиваюсь, хоть к шуткам про рост и привыкла. Раньше стеснялась, теперь нашла огромное количество плюсов: я практически не сутулюсь, всегда остаюсь полностью сухой под зонтиком и умело прячусь за более высоких на групповых фотографиях, а еще без зазрения совести делаю заказы из детского меню и прохожу бесплатно в аквапарк с семьей старшего брата. По семейному тарифу, как их старшая дочь.

Сплошная экономия.

– Так и что там за программа? – спрашивает Микула, снова кому-то кивая в пробке. – Расскажи, пока едем, чего молчать?

Удивляют две вещи.

Первая – он каждую минуту с кем-то здоровается и его коммуникабельность дико меня раздражает. Вторая вытекает из первой – водолаз слишком болтливый. Задает кучу вопросов, и на все ему ответь.

– Программа как программа, – бурчу.

Вздрагиваю от очередного сигнала клаксона.

Черт.

– Здорово, Мик! – кричит полураздетый парень из «Газели».

– Здорово, Гордей.

– Как сам?

– Нормально. Ты как?

– И я заебись...

– Давай, не болей, – Микула давит на газ и поправляет солнцезащитные очки.

Закатываю глаза, вникая в смысл этой «высокоинтеллектуальной» беседы.

– Так что там с программой? И в чем плюшки двум чужим людям жениться?

– Судя по тому, что я прочитала, необходимо прожить как минимум год на одной территории.

– И не убить друг друга?

– Это уж как получится, – отчего-то улыбаюсь.

– А приз будет?

– Да. Квартира. Восемнадцать квадратных метров.

Он смеется и сворачивает к администрации.

– Восемнадцать метров?

– Что смешного? – злюсь.

– Потому что это кладовка, а не квартира.

– Кому как. – снова оцениваю его крупногабаритные плечи. – Мне бы вполне хватило.

– Это да. На мини-мокике в мини-квартиру... Было бы логично.

– Зато своя...

– Приехали, маленькая. Давай... спрыгивай, – помогает мне отстегнуться.

У главного входа натываемся на объявление, что с часу до двух у сотрудников администрации обед, а так как длинная стрелка часов едва достигла десяти минут второго, нам приходится зайти в кофейню напротив, где я под насмешливым взглядом выбираю молочный коктейль с шапкой из взбитых сливок, а Микула заказывает двойной гамбургер и не очень приветливо смотрит на подошедшую к нам девушку.

Как-то неловко становится.

– Мик, дорогой, привет! Ты как? – улыбается она приторно и отбрасывает за плечо длинную косу.

– Привет. Твоими молитвами, Полина. Ты все выбрала? – интересуется он у меня и тащит за локоть к столикам, а девица, стуча каблуками, несетя за нами.

Глава 9. Ясмина

В кофейне вкусно пахнет корицей и жженым сахаром, а вот компания, в которой я пребываю, не очень воодушевляет, как и футбольный наряд. Выглядит максимально странно хотя бы потому, что моя стройная фигура в нем утопает, но бояться ведь нечего?.. Справа от меня профессиональный водолаз. Спасать – его фишка.

– Простите, а вы кто? – светлые тонкие брови превращаются в кардиограмму кого-нибудь из моих подопечных.

– Я... Ясмина... – отвечаю как можно более отстраненнее.

– Хм... Красивый костюм и очень знакомый, – еще раз замечает блондинка.

Микула назвал ее Полиной. А она его – «дорогой».

Не то чтобы я считаю Русского дешевым, но мне такое обращение к водолазу не нравится. Оно слишком личное. Звучит так, будто он тысячу раз ее... спасал. И она была не против.

Я еще раз осматриваю стройную фигурку, одетую в желтую шелковую блузку и черную юбку-солнце.

– Закажи мне смузи с апельсином и спирулиной, – просит Полина немного капризно.

Едва сдерживаю улыбку и перевожу взгляд на Микулу. Он неожиданно для меня превращается в вялого флегматика: сложив руки на груди, скучающе смотрит по сторонам и приветственно кивает какой-то компании за соседним столиком, которые косо на нас посматривают.

Да кто она такая, эта Полина-спирулина?..

– Русский, тебе сложно заказать? – дуется она, поджимая губы.

Микула вдруг смотрит на нее в упор.

– Единственное, что могу тебе заказать, – это такси. Давай завязывай, Полинка. Я все сказал.

– Да что завязывай-то? Я на обед вышла, диеты придерживаюсь, фигуру берегу. Сегодня – день смузи. Думала, ты по старой дружбе угостишь, – она подмигивает, но отчего-то не ему, а мне. – Мы же пятнадцать лет знакомы.

Электронная бирка, которую Микуле вручили на кассе, загорается красным светом и издает раздражающий писк. Он поднимается и направляется к выдаче.

Обе пялимся на широкую спину с перекачывающимися крыльями-мышцами, узкие бедра и подкаченные ягодички, расфасованные в выгоревшие левисы. Если бы задница Микулы Русского была орехом, то однозначно макадаммией.

– Так ты кто? – снова спрашивает у меня Полина на два деления понаглее, чем при водолазе. – Что-то ничего понять не могу.

– А должна?

– В смысле? – раздражается.

– По мне так, если человек ничего не понимает, то и не должен понимать, – тоже грубовато отвечаю.

Достала. Привязалась Спирулина.

Робко улыбаюсь Микуле, когда он возвращается с полным подносом еды.

Спереди все тоже странно неплохо, просто до этого я встречала парней в версии «Pro». Микула же Русский – «Pro Max». Сначала кажется большеват – лопата лопатой, но быстро привыкаешь и даже нравится.

Подтягиваю к себе стакан с горкой взбитых сливок и вставляю в него пластиковую трубочку, которую тут же плотно обхватываю губами. Сталкиваюсь взглядом с Полиной и... поперхнувшись, пытаюсь откашляться.

Микула мягко постукивает меня по спине ладонью. Вот ведьма эта Полина!..

– Не захлебнись, блин, малыш, – хмурится он, теперь поглаживая вдоль позвоночника. Сквозняк откуда-то появляется и здесь. Ерзаю на пластиковом стуле.

– Я просто... Не в то горло пошло. – Вытираю губы и опять присасываюсь к трубочке.

– Мик... – снова вступает Полина.

– Чего тебе?

– На свадьбу к Поповым ведь едешь?

– Не знаю пока. По дежурствам смотреть надо.

– Я у Пидорина все узнала: ты выходной.

Мужской рот вгрызается в высокий гамбургер, и это неожиданно завораживает. Медленно посасывая коктейль, украдкой слежу, как Викинг потребляет добытую за российские рубли пищу. По-мужски жадно, но вполне аккуратно.

– Я попросила Олю, чтобы нас в один домик поселили.

– На хрена? – Микула прожевывает и запивает «Байкалом». – Тебе заняться нечем?..

– Так зачем тебе с чужими людьми жить? Мой Георгий не против, или ты не один на свадьбе будешь? – она снова пялится на меня, а я картинно выпучиваю на нее глаза. Вот пристала же. – Плюс один?..

– Ага, плюс ноль пять, – ворчит Микула и тоже смотрит на меня. – Пей давай, пей.

– Я пью, – обижаюсь и заправляю волосы за уши.

Они продолжают болтать про какую-то свадьбу общих друзей, а я за ними наблюдаю.

Конечно, Микула и Полина просто идеально друг другу подходят. Как какой-нибудь из трех богатырей и Аленушка, дожидаящая его в царских палатах. Оба статные, светлые, длинноволосые. На этих мыслях отпускаю короткий смешок в стакан с остатками коктейля.

А ты тогда кто, Ясмينا? Шамаханская царица? Или конь Гай Юлий Цезарь – «Не смеши мои подковы»? Снова подсмеиваюсь. Ну не подхожу я водолазу этому, и что? Мне же детей с ним не крестить. У нас и вера разная...

– Ладно, ты не злись на меня, – произносит девица и резко подается вперед, чтобы сжать упирающееся в стол крепкое мужское запястье.

Микула демонстративно опускает взгляд на ее белоснежную ручку.

– Я не злюсь, Полина, но чтобы больше такого не было. Веди себя адекватно и не устраивай мне.

– Не буду.

Не знаю, что там между ними было, только у девицы сейчас кольцо на пальце. Полагаю, не от Водяного.

Вскоре она убегает на работу, а мы не спеша идем к администрации. Из рюкзака неожиданно доносится звонок.

– Ясечка, это Авдотья Никитична.

– Да, – прикрываю динамик рукой, чтобы из-за уличного гула хоть что-то расслышать.

– У меня тут беда! Потоп! Воды набежало, а я еще и поскользнулась. Так и лежу, как в ванной. Скоро с головой накроет.

– Боже! – быстро смотрю по сторонам, соображая, каким путем лучше бежать к метро. – Я сейчас приеду!.. Ждите!..

– Куда это ты собралась, Пипетка? – оборачивается Мик.

– Извини, мне срочно надо уехать, – даже не обращаю внимания на новое прозвище. –

Потом сходим и откажемся от этого проекта... Все потом.

– Да что случилось-то? Давай я тебя подвезу.

Секунду раздумываю.

– Поехали! – Бегу к синему «бронепоезду». – Кирова двадцать два. Шестой подъезд. Только быстрее.

Открываю дверь и запрыгиваю на подножку, а оказавшись внутри, нетерпеливо стискиваю ремень.

– Что случилось хоть? – Микула вылетает на дорогу на мигающий желтый.

Все-таки нормальный он. Пусть и немного патлатый. Должны же быть в человеке недостатки.

– Это по работе, – отмахиваюсь.

– Говори, – царапает меня коротким взглядом.

– Мне надо срочно. Только я могу помочь. У меня там Камаз... тонет!.. – обеспокоенно прикусываю губу и замечаю, как настойчивый взгляд становится ржущим.

– Ты кто, мать твою, такая?

Глава 10. Микула

– Соцработник, – отвечает девица горделиво и задирает острый, трясущийся от холода подбородок.

– Кто? – усмехаюсь и, остановившись на светофоре, еще раз ее оглядываю.

Приходится включить подачу теплого воздуха.

Мелкая, пиздец. Никогда таких не видел.

Волосы обрамляют привлекательное лицо короткими черными сосульками. С ногами пока непонятно – шорты-заразы слишком объемные, это все Геморроич виноват, мог бы Полинку и на «Тур де Франс» вывезти, у велосипедистов форма посмотрибельнее футбольной будет.

Хотя футбол я люблю. У нас с парнями неплохая команда, даже «Кубок дворов» брали.

– Я социальный работник. Ты что, не знаешь, кто мы такие? – она искренне удивляется и дальше меня просвещает: – Мы оказываем поддержку различным категориям граждан: сиротам, одиноким пожилым людям, малообеспеченным семьям и инвалидам.

Я – везде мимо, хотя бывшая часто называла эмоциональным инвалидом.

Да и какую поддержку ты можешь оказать, Кнопка?

Почитать сказку на ночь?..

Кстати, руки у Ясины открыты: рельеф красивый. Значит, хоть немного, но спортом девочка занимается.

Не такие мы уж и разные, Молекула!..

Присматриваюсь к ладоням, лежащим на коленках: пальчики тонкие, узкие, с идеальной формой ногтевой пластины. Ухоженные и без какого-либо намека на цветной маникюр или тяжелую работу.

Ничего не могу с собой поделаться: с воображением у меня порядок – все-таки двадцать лет в художественной самодеятельности – поэтому следующие девять с половиной минут пути до названного адреса представляю, как эта ладошка творит непотребство у меня в штанах.

И это, мать твою, просто охеренное извращение!..

Мотаю головой, чтобы отбросить возникающие все новые и новые картинки.

– Кстати, при чем здесь тогда «Камаз»? – виновато улыбаюсь за незаконное мысленное использование ее ладошек и поглядываю на вздутую ширинку.

– А-а-а, – розовых губ касается фотографическая легкая улыбка.

Уймись, блядь, Русский!

– Это я так своих подопечных называю, чтобы проще было. Камаз – Авдотья Никитична, у нее прогрессирующая форма болезни Паркинсона, часто падает.

– Понятно, – качаю головой и топлю на газ, чтобы поднимать Камаз. Вот уже и рифмой заговорил.

Приезжаем к хрущевке кирпичного цвета. Мелкая сразу выпрыгивает из машины и несется к открытой деревянной двери подъезда. Догоняю мини-соцработницу на третьем этаже, где она зачем-то активно подпрыгивает.

– Спортом, что ли, решила позаниматься? – спрашиваю.

– Очень смешно, – дуется. – Там ключ над дверью. Помоги, пожалуйста.

Усмехнувшись, просто поднимаю руку и шарю по верхней части наличника.

– Вот, – протягиваю ей. – Тебе всего полметра не хватило.

Пыхтит, как ежик.

– Вообще-то, шутить про рост – это низко.

– Просто будь выше этого, – подмигиваю.

Мы заходим в квартиру, и начинается какая-то свистопляска.

Думал, у меня работа тяжелая, но мои погружения – хрень полная, потому что нагрузка Ясины Набиевой – это похлеще толщи воды и опасностей дна.

– Ты кто такая, ведьма? – снова спрашиваю, даже не успеваю помочь, ведь девица уже поднимает грузную, причитающую бабулю с залитого водой пола.

Легким движением руки, блядь.

– Меня попросить не могла? – Ищу вентиль, чтобы перекрыть воду.

Кроссовки тут же становятся мокрыми. Да и по хуй.

– Да ладно, – ведьма смеется и заставляет меня выйти из ванной комнаты, чтобы привести в порядок свою подопечную.

Но я без дела тоже не остаюсь.

Сразу берусь за работу: проверяю небольшую комнатку – там сухо, затем собираю плавающие коврики в прихожей и выношу их на балкон просушить.

– Ох, ребятки. Спасибо, – причитает хозяйка спустя час работы. – Давайте я вас покормлю. Микулушка, ты голубцы уважаешь?

– Я ими восхищаюсь и ценю, Авдотья Никитична.

– Пойду погрею.

– Ты ел час назад, – Ясмина ворчит. – Я мокрая насквозь.

Проклятое воображение снова не подводит. Тем более форма Геморроича липнет к ней так, что я наконец-то вижу все. И грудь у нее есть, просто такая же – мини.

Бидоны Пузырьку бы точно подошли.

– Как я домой поеду? – волнуется.

– Сейчас устроим, – отчего-то хочется побыть волшебником, поэтому, преодолев лестничные пролеты, лечу к машине и достаю из багажника реквизит – мужской и женский комплекты, которые завалились после выступления.

– Ты издеваешься? – появляется Ясмина в дверном проеме, и жирненький голубец застревает в горле.

– Как красиво! – в противовес хвалит Авдотья Никитична. – Настоящая русская красавица.

– Русская? – недовольно сводит брови.

Я оглядываю красный народный сарафан на толстых бретелях и выглядывающую из-под него белоснежную рубаху. Роста, естественно, не хватает, поэтому подол волочется по полу, но это неважно, потому что татарочке идет этот стиль.

– Мне нравится. Аутентично. А главное, все сухое, – коротко изрекаю, продолжая поглощать голубцы, а после второго обеда сам переодеваюсь в штаны и красную косоворотку. – Кокошник чего не надела? – забираю пакеты.

– Только кокошника мне не хватало. – Ясмина засовывает смятую газету в танцевальные туфельки и примеряет.

– Я так и подумал, – водружаю на нее головной убор, увенчанный тысячей жемчужин, и оцениваю перламутровый блеск, который они придают белой коже и черным глазам. – Царица!..

– Скажешь тоже, – она смущается и подхватывает вещи. – Пойдем.

*

– Сегодня уже не успеем, – говорю, когда спускаемся к машине.

– Это почему? – настораживается.

То есть наш внешний вид ее ни капли не смущает?

– Это ведь администрация, Ясмина!.. С часу до двух у них обед, а работают они до четырех.

– Точно, – она грустно вздыхает.

– Давай так, я тебя сейчас домой подкину, а завтра с утра съездим. Ну как с утра, – тут же поправляюсь, – с восьми до десяти в администрации планерки, потом, как известно, завтрак, где-то с одиннадцати до часу есть шанс не напороться на амбарный замок или неприветливое выражение лица.

Она залиvisto смеется, и жемчужины от тряски мерцают еще ярче.

– Хорошо, Микула, давай в одиннадцать, – соглашается и называет адрес.

Обратно едем молча, изредка друг на друга поглядывая. То ли устали, то ли каждому есть что обдумать.

Ох уж этот искусственный интеллект. Выбрал нас парой, и вот сейчас думай и гадай: почему?

Я вообще жениться не собирался. У меня есть старший товарищ, наставник и высшее руководство в одном лице – Илья Александров. Так вот, он десять лет назад развелся и до сих пор о загсе слышать ничего не хочет и никому не советует.

– Ну все, Царица? – останавливаюсь возле дома, на который она указывает, и выглядываю через лобовое стекло. Дом большой, с белым фасадом и ухоженным газоном на лужайке. – Привез тебя в твое царство. Не вели казнить, вели миловать.

– Благодарю, Микула Никитич, – деловито кивает и тянется назад за своими вещами.

Девчонка совсем.

Стопроцентная девственница – клянусь волосами.

– Я помогу, – говорю и тоже тянусь.

Наши лица неловко сталкиваются между кресел. Ясмينا не отворачивается, чего-то ждет и шумно дышит, поэтому я бы с удовольствием продолжил знакомство с ее губами, если бы не стук чего-то металлического о капот моего «Паджеро».

Подаюсь вперед и вижу мелкого мужика в плоской тубетейке. Выражение его лица него-степримное. На голубцы рассчитывать вовсе не приходится.

– Папа! – ахает рядом мини-женщина и трясет жемчугом от страха.

– А ну, вылазьте из машины, – командует мини-мужик и сжимает ружье.

Глава 11. Микула

– Мне конец, – стонет Ясмина, дергая на себя объемный рюкзак. – Это мой отец, если ты не понял, – шепчет.

– Я понял. Надеюсь... это у него игрушка такая? На зажигалку вроде непохоже...

– Я бы хотела тебя порадовать, Микула, – она снова испуганно на меня смотрит, – но пока нечем. Это настоящее охотничье ружье... Двенадцатый калибр, итальянское, очень хорошее. Папа с ним на русскую выхухоль ходил, когда еще можно было.

– На... кого твой папа ходил? – слатываю ком в горле.

– На выхухоль... Русскую...

Мужик опасно скалится. Опасно – потому что с ружьем, без него он бы выглядел вполне комично: лицо как румяный блинчик, пухлые щеки, а поверх свитера надета короткая меховая жилетка.

– Русскую, значит, – смотрю на татарина и сам себя подбадриваю: – Да ладно тебе. Не будет ведь он меня убивать?.. Какое-то недоразумение. Двадцать первый век. Жди меня здесь, Пупсик.

– Микула, не-е-ет! – успеваю крикнуть Ясмина, но я уже смело выпрыгиваю из тачки и начинаю танцевать вприсядку, потому что этот ненормальный палит по асфальту.

В русском народном костюме наверняка смотрится эпично. Такого русско-татарского конфликта со времен самого Батяя не видывали.

– Эй, мужик! – ору, пытаюсь отдышаться. – Может, для начала поговорим?..

– Ты что с моей дочерью делал, чудище? – он быстро перезаряжает ружье.

– Эй, давай полегче с метафорами, – злюсь и разминаю шею.

Я и с ружьем его завалю, если надо будет. Ваще по хую.

Тем временем замечаю, как из дома один за другим высыпают люди. Пацаны, с интересом поглядывающие в нашу сторону, девушки и дети. Дети, дети. Куча детей.

Да сколько их там?

Не дом, а татарский муравейник, ей-богу.

– Что ты делал с моей дочерью? – повторяет папаша, вновь направив ствол на меня. – Разве ты не знаешь, что она порядочная девушка?

Посматриваю в салон, где притаилась Яся.

Папаша прищуривается так, что глаз не видно. Одни разрезы.

Ждет ответа.

– Конечно, я знаю, что Ясмина – порядочная девушка, – говорю правду. Как всегда. – Мы с ней только познакомились. Я спас ее из бассейна глубиной двенадцать метров, затем напоил молочным коктейлем и помог убрать потоп в гостях у Камаза.

– У тебя температура? Что ты несешь? – сердится он.

– Это все буквально за несколько часов, – развожу руки в стороны.

С крыльца доносятся короткие смешки.

– Наша Ясмина в своем стиле, – кто-то говорит, а батя продолжает держать меня на мушке и внимательно осматривает.

– Хочешь сказать, у вас ничего не было?

– Конечно не было, – утвердительно киваю, а потом, чтобы быть совсем-совсем честным, вот прям совсем, добавляю: – А поцелуй считается?.. Эй! – снова ухожу вприсядку от пальбы. – Да хватит!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.